

Смыслоутрата и отчуждение

Е.Н. Осин

преподаватель Государственного университета — Высшая школа экономики

Д.А. Леонтьев

доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Статья посвящена соотношению понятий смыслоутраты (В. Франкл) и отчуждения (К. Маркс, Э. Фромм), описывающих сходную феноменологию; рассматривается теория отчуждения как «экзистенциального невроза» (С. Мадди). Многомерная концепция онтологии смысловой реальности дает возможность рассматривать осмысленность жизни и смыслоутрату как феномены системы взаимоотношений индивида с миром (А.Н. Леонтьев, С. Мадди, Дж. Накамура и М. Чиксентмихайи), а отчуждение — как категорию, описывающую онтологические основания субъективного феномена смыслоутраты.

Ключевые слова: смысл, осмысленность жизни, смыслоутрата, отчуждение.

Понятие смысла к настоящему времени обрело признание в качестве одного из ключевых общепсихологических понятий как в экзистенциальной и культурно-исторической традициях, в которых оно получило очень глубокую проработку на протяжении десятилетий, так и за их пределами [см.: 6]. В экзистенциальной психологии и психотерапии большое внимание уделяется также феномену смыслоутраты, или экзистенциального вакуума (В. Франкл) — переживания дефицита обеспеченности жизни личности смыслом, влекущего за собой целый ряд патологических и «метапатологических» проявлений и следствий [17, 27, 33 и др.]. В культурно-исторической традиции, напротив, феномен смыслоутраты не получил сколько-нибудь развернутого теоретического обоснования.

Сходную феноменологию описывает понятие отчуждения, теоретически разработанное в философии [10, 22 — 24]. Попытки психологической разработки понятия отчуждения в большинстве своем оказались малопродуктивными. Идеи взаимосвязи отчуждения и смыслоутраты высказывались рядом авторов (наиболее эвристичными представляются положения концепции экзистенциального невроза С. Мадди), однако психологические механизмы этой взаимосвязи остаются непроясненными. Трудности здесь носят преимущественно методологический характер: понятие смыслоутраты было введено для описания конкретной феноменологии индивидуального сознания и переживания, раскрывающейся при интроспективном самоотчете; категория же отчуждения предлагалась в контексте философско-социологических объяснительных моделей, описывающих извнеположной позиции объективного анализа типические особенности жизнедеятельности как индивида, так и групп людей.

Именно это методологическое несоответствие уровней и ракурсов анализа не позволяло на протяжении долгого времени связать понятия смыслоутраты и отчуждения в единую теоретическую модель. Как правило, смыслоутрата описывается как феномен со-

знания изолированного индивида вне контекста его взаимоотношений с миром, хотя еще В. Франкл [17] пронизательно усмотрел в ней отражение неполноты, нарушения жизненных отношений, реально осуществляемых индивидом в жизнедеятельности.

Методологической основой, позволяющей преодолеть указанную нестыковку, видится многомерная концепция онтологии смысловой реальности [6]. В этой концепции ставится задача интеграции плохо стыкующихся между собой фрагментарных представлений о смысловой реальности, разработанных разными авторами. К решению позволяет прийти идея трех измерений, или аспектов любого смыслового явления, отражающих три системы связей, в которую эти явления включены. *Онтологический* аспект смысла характеризует объективную систему отношений субъекта с его жизненным миром, служащих источником смыслопорождения, и описывает место данного смысла в этой системе жизненных отношений; *феноменологический* аспект смысла характеризует его субъективную репрезентацию в сознании субъекта, а *деятельностный*, или субстратный, аспект смысла характеризует его влияние, не обязательно им осознаваемое, на процессы предметно-практической (внешней) или идеаторной (внутренней) активности субъекта. Связывает три аспекта смысла принцип бытийного опосредствования. Этот принцип гласит, что основой психологических проявлений смыслов — феноменологических и деятельностных — служит его онтологическая характеристика, которую нельзя описать психологическими методами, а можно лишь теоретически постулировать. Однако только соотнесение с онтологическим аспектом — с характеристикой объективных жизненных отношений между субъектом и миром — делает анализ некоторого содержания смысловым анализом; в противном случае анализ эмоций, ассоциаций, значений, образов, установок или поведения так и не становится анализом смыслов.

Данная концепция позволяет по-новому посмотреть на соотношение категорий смыслоутраты и отчуждения. Психологическое понятие смыслоутраты описывает как субъективно-феноменологические, так и объективно-деятельностные проявления соответствующего состояния. Философское понятие отчуждения характеризует не столько само переживание или его психологические последствия, сколько онтологическую картину, лежащую в основе соответствующих психологических проявлений.

Феноменология смыслоутраты

Проблему смыслоутраты как проблему собственно психологическую наиболее ярко и полно ставит В. Франкл. По его мнению, «человек живет идеалами и ценностями» [17, с. 285], и стремление к смыслу является первичной движущей силой в жизни человека. Фрустрацию стремления к смыслу В. Франкл называет «экзистенциальной фрустрацией» (под определением «экзистенциальное» он понимает одновременно сам «специфически человеческий способ бытия», смысл существования и стремление к его поиску [18, с. 247]).

Описывая экзистенциальную фрустрацию как социальный феномен, В. Франкл использует термин «экзистенциальный вакуум» — следствие «упадка универсальных ценностей» [17, с. 295], в результате которого человек оказывается в ситуации неопределенности, когда «никакие условности, традиции и ценности не говорят, что ему *должно* делать» (с. 308). Субъективно экзистенциальный вакуум проявляется в скуке и апатии (когда люди сообщают о пустоте и бессмысленности жизни) и лежит в основе феноменов типа «невроз выходного дня». По мнению В. Франкла, экзистенциальный вакуум — не проявление, но возможная причина ноогенного невроза [17, с. 312]. Возможна и более сложная ситуация, при которой симптоматика обычного невроза «вторгается в экзистенциальный вакуум и продолжает в нем расцветать» [17, с. 253].

С психологической точки зрения, утрата смысла проявляется в ряде взаимосвязанных феноменов [17, 1, 6].

1. Переживание пустоты и бессмысленности жизни, проявляющееся в различных ситуациях. Преобладающее чувство скуки, неудовлетворенности жизнью, негативный эмоциональный фон.

2. Утрата переживания субъективной значимости намерений, целей и видов деятельности, планируемых или осуществляемых индивидом. Отсутствие четких сознательных представлений о направлении собственной жизни (намерения не переходят в конкретные цели); цели ограничиваются краткосрочной временной перспективой и не образуют иерархии.

3. Сужение широты круга мотивов, осуществляемых индивидом в деятельности, а также степени их иерархизации, приводящее к фрагментации деятельности.

4. Преобладание потребностной регуляции над ценностной. С содержательной стороны деятельность сводится к удовлетворению потребностей и соответствию социальным нормам.

5. Формирование убеждений, отражающих невозможность смысла или его реализации. Ценности не

рефлексируются или рассматриваются как абстрактные, оторванные от жизни содержания, неспособные побуждать реальную деятельность.

Человек, которому свойственны перечисленные признаки, иными словами, жизнедеятельность которого не ориентирована на смыслы и ценности, а всецело сводится к удовлетворению потребностей, реагированию на стимулы и соответствию принятым в социуме нормам поведения, скорее всего будет признан здоровым в согласии с традиционными критериями психического здоровья, опирающимися на статистические нормы и показатели адаптации (см.: [1]).

Вместе с тем экзистенциальная фрустрация, по В. Франклу, может приводить к возникновению неспецифической клинической симптоматики. Ноогенный невроз проявляется в формах алкоголизма, депрессии, навязчивости, девиантного поведения, гипертрофированной сексуальности или безрассудства, во всех этих случаях сочетаясь с блокированной волей к смыслу (см.: [27]). В числе других неспецифических следствий экзистенциальной фрустрации можно назвать суициды, наркотическую зависимость.

С феноменом смыслоутраты, описанным В. Франком, пересекается понятие «метапатологий», введенное А. Маслоу: «если нет ценностей, руководящих жизнью, то можно не быть невротиком, но тем не менее страдать от когнитивных и духовных расстройств, поскольку в определенной степени связь с действительностью искажена и нарушена» [11, с. 189]. В список «общих метапатологий», выделенных А. Маслоу, входят отчуждение, аномия, ангедония, потеря смысла, потеря вкуса к жизни, десакрализация жизни, желание смерти, чувство собственной бесполезности, отсутствие ощущения свободы воли, цинизм, вандализм, отчуждение от других людей, авторитета и любого общества и др. [там же, с. 300–301].

Осмысленность как связанность и связность

Онтологической основой смысла, как было показано [6], является связь с более широким контекстом. Объект или явление имеет для нас смысл, если они связаны с чем-то априорно для нас значимым. Действие имеет смысл, если приводит к значимым для нас следствиям. Чтобы какая-то идея обрела для человека смысл, надо чтобы она связалась для него с чем-то значимым в его жизни. Ни действие, ни объект, ни идея, ни переживание не будут иметь для меня смысла, если для меня они будут выступать как что-то изолированное, не связанное с более широким контекстом моей жизни.

Уже в самых исходных формулировках идеи личного смысла А.Н. Леонтьева [2, 3] основополагающей выступала именно онтологическая характеристика смысла как феномена, возникающего в реальных жизненных отношениях. Эта идея, в большинстве случаев независимо от А.Н. Леонтьева, воспроизводится и в ряде других подходов к смыслу: в экзистенциальных теориях В. Франкла [17] и Р. Мэя [12] и соотносительной теории Ж. Нюттена [13], в которых смысл выступает как мостик, связывающий личность и мотивацию субъекта с объектами внешнего мира.

Более специфическая концепция, опирающаяся на ту же базовую онтологию, была предложена недавно Дж. Накамурой и М. Чиксентмихайи [36, 30], которые ввели понятие «жизненной ангажированности» (*vital engagement*), определяя его как «отношение с миром, характеризующееся одновременно как состоянием потока (наслаждение от поглощенности деятельностью), так и осмысленностью (чувством субъективной значимости)» [30, с. 87]. По их мнению, «каждое состояние потока потенциально является приносящим смысл... однако устойчивое чувство осмысленности возникает лишь в том случае, если участие человека в деятельности продолжается во времени и перерастает в занятие» [там же, с. 97].

Таким образом, если в более традиционных подходах смысл рассматривается преимущественно как интрапсихический феномен, оказывающий регуляторное влияние на активность индивида, то в неклассических концепциях смысла, связанных с культурно-исторической, деятельностной традициями и эволюционным подходом М. Чиксентмихайи, смысл предстает как эмерджентное качество взаимоотношений индивида со средой (миром): смысл осознается индивидом по итогам осуществления в деятельности определенных отношений к миру, в результате чего последние приобретают смыслообразующий характер для жизни в целом.

То же относится и к жизни в целом, и ее смыслу. Смысл жизни является наиболее общей, интегральной характеристикой состояния смысловой сферы человека, он соотносится не с отдельной деятельностью, а с жизнедеятельностью в целом. Смысл жизни выступает отражением общего вектора системы отношений индивида с миром и становится одним из основных «вершинных» проявлений личности, в которых последняя наиболее ярко обнаруживает свою индивидуальную специфику. Б.С. Братусь [1] называет стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни в качестве одного из критериев нормального развития. Смысл жизни проявляется как в субъективных феноменах (эмоциональное переживание осмысленности жизни, наличие целей, обобщенной мировоззренческой системы), так и в объективных (особенности жизненного пути, структуры и динамики деятельности, паттерны поведения и т. п.). Правоммерно говорить о трех компонентах смысла жизни, которые напоминают расхожую триаду «когнитивный-аффективный-поведенческий»: образ цели, на достижение которой направлена жизнь, непосредственное эмоциональное переживание осмысленности жизни независимо от представления о ней и объективная направленность жизни, проявляющаяся в конкретных действиях. Отсутствие одного из компонентов приводит к разным вариантам редукции целостной реальности смысла жизни: либо к рациональной жизненной цели, либо к прекраснотушному бессилию, либо к бездумному растворению в повседневности [7].

Осмысленная жизнь — жизнь, связанная как внутренне (не случайно одним из аналогов и тесных коррелятов осмысленности жизни служит понятие *чувства связности* А. Антоновского [см.: 14]), так и внешне с жизнями других людей и с более широким контекстом жизненного мира. Другими словами, это жизнь не только связанная, но и связная, целостная; в ходе осу-

ществления смысла человек преобразует окружающий мир, структурирует его по логике смысла, и мир природы становится очеловеченным миром, обретает связность. Бессмысленная жизнь — это жизнь в первую очередь изолированная, лишенная значимых связей, замкнутая в себе, не связанная с жизнями других людей, с социальными группами, с человечеством; в ней отсутствует перспектива за пределами актуального «здесь и теперь», отсутствует осознание; она определяется причинами, отчуждена (не воспринимается как «моя собственная») и мотивирована нуждой, необходимостью. Осмысленная жизнь, напротив, соотносена с чем-то большим, она имеет перспективу, осознана и определяется преимущественно целями, которые мы сами себе ставим; она аутентична и управляется возможностями. Не случайно, по наблюдениям В. Франкла [19], люди, совершившие неудачную попытку суицида, приходят к переоценке своей жизненной ситуации и отказу от своего намерения, когда обнаруживают в своей жизни сохранные значимые связи, реальность которых была для них скрыта в момент принятия решения о суициде. Сущность логотерапии в целом можно рассматривать в терминах восстановления жизненных отношений, связей с миром.

Богатство и упорядоченность связей — актуальных и потенциальных — индивида с миром служат показателем развития личности: чем больше жизненных отношений и возможностей их структурирования, т. е. регуляторных принципов, доступно человеку, тем более гибко он может выстраивать собственную жизнь так, что его жизнь в результате обретает индивидуальный характер. Богатство связей с миром определяет и способность личности адаптироваться к экстремальным ситуациям: когда осуществление одних связей оказывается невозможным в силу, например, существенных изменений социального уклада или утраты индивидом части физических способностей, на смену старым связям приходят новые, создавая условия для продолжения осмысленной жизни в новых условиях. И наоборот, субъективное переживание утраты смысла отражает нарушение в системе отношений индивида с миром.

Понятие отчуждения в философии и психологии

Категорией, описывающей онтологическую ситуацию нарушения или разрыва связей индивида с миром и соответствующей понятию утраты смысла, является категория отчуждения. Феноменология смыслоутраты оказывается чрезвычайно сходной с описаниями субъективных феноменов отчуждения, представленными как в философской, так и в психологической литературе [22, 38, 40 и др.] Однако, несмотря на феноменологическое сходство, крайне мало современных психологических работ, посвященных отчуждению, как в нашей стране, так и на Западе. Понятие отчуждения не вошло в понятийный арсенал современной психологии (за исключением отдельных сравнительно локальных подходов).

Более того, представленные в работах различных авторов варианты понимания сущности и проявлений

отчуждения оказываются не только не вполне совпадающими, но и зачастую непересекающимися [38].

В отечественной традиции гуманитарных наук термин «отчуждение» связывают, как правило, с марксистской философией. Другим основным контекстом употребления этого термина является экзистенциальная традиция: в первую очередь именно благодаря работам экзистенциалистов в середине XX в. отчуждение было опознано как культурный феномен, олицетворением которого стали персонажи романов Ф.М. Достоевского, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Э. Хэмингуэя, Г. Гессе и других писателей [42]. Характерными особенностями этого культурно-исторического типа переживания действительности становятся утрата ценностей, потеря ощущения контроля над собственной жизнью, повышенная чувствительность к болезненным переживаниям, поиск осмысленности и ценности в мире фантазии, за пределами жизни, утрата идентичности [там же]. Однако анализ истории понятия отчуждения указывает на то, что оно уходит корнями в истоки европейской философской и религиозной традиции.

Как отмечает М. Маркович, термин «отчуждение» встречается еще у Аристотеля: соответствующие греческие слова означают «исключенный из сообщества» или «передача собственности» [9, с. 43]. Широкое распространение представление об отчуждении получило в христианской теологии. Как отмечает Э. Тьюсон [41], в иудео-христианской традиции содержится идея того, что связь человека с Богом подобна близости между двумя людьми, и отчуждение от Бога (как любящего Отца), возникающее в результате грехопадения или безразличия со стороны человека, подобно отчуждению от другого человека и аналогичным образом может быть связано с дезорганизацией «я», чувством вины, утратой идентичности.

Современная традиция употребления термина «отчуждение» берет начало от Гегеля и Маркса. Вот как характеризует К. Маркс одно из центральных понятий своей социальной философии — отчужденную трудовую деятельность.

В силу объективных социально-экономических условий такая деятельность является не самоцелью, а средством для реализации биологических или социальных потребностей. Она имеет вынужденный характер и прекращается с прекращением принуждения к ней (физического или экономического). Субъективно такая деятельность предстает чуждой и порабащающей. Продукт труда и предметы чувственного внешнего мира, связанные с ним, также переживаются как чуждые и властвующие над человеком, часть жизни, проведенная в труде, переживается как «не моя». В ходе отчужденного труда человек превращает «свою *сущность* только лишь в средство для поддержания своего *существования*» [10, с. 566]. «Сама жизнь оказывается *средством к жизни*» (с. 565). Отчужденный труд отнимает у человека возможность реализации его «действительной родовой предметности», и родовая жизнь человека становится для него средством.

Важным для понимания отчуждения является понятие частной собственности, которая является «с одной стороны, *продуктом* самоотчужденного [entäußerte] труда, а с другой стороны, *средством* его

самоотчуждения, *реализацией этого самоотчуждения* [Entäußerung]» [там же, с. 569]. Всякий труд, о котором ведет речь политическая экономия, считает Маркс, есть труд отчужденный [entfremdete]. «В *обыкновенной, материальной промышленности*... мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов*, под видом отчуждения [Entfremdung], *опредмеченные сущностные силы человека*» [там же, с. 595].

И наконец, важной стороной отчуждения является отчуждение человека от человека, которое, по Марксу, становится отражением и необходимым следствием отчуждения человека от своего труда и родовой сущности (самого себя): «Всякое самоотчуждение [Selbstentfremdung] человека от себя и от природы проявляется в том отношении к другим, отличным от него людям, в которое он ставит самого себя и природу. Вот почему религиозное самоотчуждение с необходимостью проявляется в отношении мирянина к священнослужителю... В практическом действительном мире самоотчуждение может проявляться только через посредство практического действительного отношения к другим людям. <...> Таким образом, посредством отчуждения труда человек порождает не только свое отношение к предмету и акту производства как к чуждым и враждебным ему силам, — он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству и к его продукту, а равно и то отношение, в котором сам он находится к этим другим людям» [там же, с. 568—569].

Таким образом, отчуждение, по Марксу, проявляется в следующих феноменах:

- отчуждение человека от процесса и продукта труда (субъективная неудовлетворенность; ощущение вынужденности деятельности; инструментальный характер деятельности вместо творческого);
- отчуждение человека от родовой сущности (неспособность воспринимать человеческий смысл предметов культуры, «слепота» к ценностям);
- отчуждение человека от предметного мира (частная собственность становится предметом обладания, а не действительного присвоения);
- фрагментация жизни (жизнь человека в ее различных сферах не имеет единой направленности и переживается им как разорванная, чужая);
- отчуждение человека от человека (дегуманизация отношений, другой человек становится средством, а не целью).

Э. Фромм понимает отчуждение как субъективный феномен, «способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое... становится как бы отстраненным от самого себя... не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий... утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми... воспринимает себя, равно как и других, подобно тому как воспринимают вещи — при помощи чувств и здравого смысла, но в то же время без продуктивной связи с самим собой и внешним миром» [10, с. 143]. Истоки понятия отчуждения, по его мнению, лежат в ветхозаветном представлении об идолопоклонстве, когда человек ставит себя в зависимость от внешней силы (будь то идол, Бог, любимый человек, политический лидер или государство), кото-

рую он наделяет своей жизненной субстанцией, активностью; именно в этом смысле «душевнобольной — это человек абсолютно отчужденный... он утратил чувство самости» [там же, с. 147].

Э. Фромм [24] раскрывает и описывает с психологической стороны отчуждение в различных сферах. Отчуждение от работы со стороны рабочего (для которого труд становится мучением, а идеалом — лень и враждебность по отношению к труду), со стороны собственника производства (который рассматривает его как капитал и не несет ответственности за процесс), а также со стороны бюрократа (который относится к миру как к объекту своей деятельности), совпадает с тем, что говорит Маркс. Отчуждение от потребляемых человеком вещей связано с тем, что потребление в обмен на деньги не требует человеческого приложения сил, качественно соразмерного потребляемому предмету, и человеческое использование заменяется обладанием [23], чувством престижа, когда вещь оценивается в терминах ее стоимости, а не качества; потребляя вслед за рекламой, мы потребляем плод воображения, представление о вещах, не будучи *сами* вовлечены в этот процесс; мы потребляем вещи, не зная о том, как они работают, без конкретной связи с ними; результатом становится самостоятельная потребность в потреблении, переход от накопительской к воспринимательской ориентации, однако это «восприятие» оказывается бесплодным, поскольку процесс потребления не меняет самого потребителя как человека. Фромм говорит также об отчуждении человека от общественных сил, когда общественные события представляются ему стихийными, а не совершаемыми людьми: не закон и государство существуют ради людей, но люди чувствуют себя рабами государства и законов. Отчуждение по отношению к самому себе связано с «рыночной ориентацией», когда человек рассматривает себя как вещь, которую следует выгодно продать; его представление о себе сводится к его социально-экономической роли, оценке собственной успешности; в отношениях друг с другом люди также часто используют друг друга как средство, как товар, утрачивая чувство солидарности. Основной чертой отчужденного человека, по мнению Фромма, становится конформизм.

Отчуждение, согласно Фромму, связано с рутинизацией современной жизни и «вытеснением осознания основополагающих проблем человеческого существования» [24, с. 168]. Это приводит к утрате удовлетворенности жизнью, потере чувства реальности, к подавленности, чувству вины, депрессиям; это состояние, при котором человек способен лишь фотографически воспринимать внешний мир и утратил контакт с миром внутренним, по мнению Фромма, представляет собой одностороннюю противоположность психозу, столь же патологическую.

В работе «Бытие и Ничто» Ж.-П. Сартр связывает понятие отчуждения (alienation) с субъективным опытом, возникающим при встрече с Другим. Мое «отчужденное Я», предстающее другому как объект,

не совпадает с моим реальным Я, и я отрицаю его, однако в самом акте отрицания я признаю его частью себя, и «это отчужденное и отрицаемое Я является одновременно моей связью с другим и символом нашего абсолютного разделения» [16, с. 307]. Когда врач выслушивает мое тело, оно возникает и обозначается для меня особым образом, как «тело-для-другого... непостижимое и отчужденное» [там же, с. 371], способное вызывать робость.

Для раннего М. Хайдеггера феномен отчуждения состоит в том, что присутствие замыкается в *несобственном* бытии, «безудержности «занятий»», «беспокойном всезнании», и «в себе самом *запутывается*», его собственная потенциальность оказывается от него скрытой [26, с. 178]. Отчуждение, по Хайдеггеру, становится также результатом равнодушного отношения к смерти и погруженности в настоящее, в которых проявляется неподлинное, несобственное бытие присутствия. В работе «Письмо о гуманизме» [25] М. Хайдеггер вновь обращается к этому понятию. По его мнению, подлинное бытие открывается человеку только тогда, когда он находится в точке стояния в нем; вне этой точки возможна лишь «память» о бытии, которая не есть ни теоретическое представление о нем, ни следующий из него этический принцип. Таким образом, по Хайдеггеру, можно говорить об отчуждении человека от Бытия, которое составляет «сущность» человека, но может быть познано лишь феноменологически.

С.Л. Рубинштейн говорит об отчуждении человека от бытия и бытия от человека в познавательном и этическом аспектах. Содержание первого состоит в «вынесении сознания за пределы бытия, сущего, в отрыве чистого сознания от реального человека как субъекта познания — деонтологизации человека, с одной стороны, и сведении всего сущего, бытия только к вещиности — с другой» [15, с. 284]; преодоление этого отчуждения состоит в раскрытии взаимообусловленности мира и человека. Этический аспект отчуждения С.Л. Рубинштейн раскрывает следующим образом: «Задача реализовать человека в его жизни — это задача преодолеть “отчуждение” от человека как явления его человеческой сущности. Преодоление “отчуждения” идеального, существующего в виде идеи, идеала, ценности, долга и т. д., возможно не путем их перечеркивания, а путем их реализации» [там же, с. 376]. «Проблема “отчуждения” возникает при сведении человека к общественной “маске”, к носителю определенной общественной функции» [там же, с. 376—377]. «Человек обретает всю полноту своего бытия и выявляется во всех своих человеческих качествах по мере того, как он выступает по отношению ко всем сторонам бытия, жизни... Человек, отчужденный от природы, от жизни, непричастный к игре ее стихийных сил, не способен соотнести себя с ними, перед лицом этих сил найти свое мнение и утверждать свое человеческое достоинство — это жалкий, маленький человек» [там же].

Среди психологов одним из первых термин «отчуждение» использует З. Фрейд*. В работе «Будущее одной иллюзии» [20] Фрейд говорит об отчуж-

* Однако заключение о том, что Э. Фромм позаимствовал этот термин у З. Фрейда, является, на наш взгляд, несобоснованным

дении как о черте детского сознания, которое зависит от мощных чуждых сил (матери и отца); вырастая, человек начинает проецировать родительские черты на чуждые силы внешнего мира, с которыми ему приходится сталкиваться — в этом Фрейд [21], вслед за Фейербахом, видит механизм возникновения религии, однако, по его мнению, человек должен будет рано или поздно повзрослеть, отказавшись от религии как от средства анестезии, необходимого невротика. Фрейд говорит о неврозе как о факторе отчуждения от действительности, утраты реальности.

Вслед за З. Фрейдом этот термин использует К. Хорни (см.: [38]): в ранних работах она связывает отчуждение с принятием человеком невротически неадекватного представления о себе. В более поздних работах у нее возникает различие между «актуальным Я» (всем тем, чем человек является в настоящее время) и «реальным Я» (движущей силой, источником развития, жизненным центром). «Отчуждение от актуального Я» она связывает с невниманием человека к собственным чувствам, мыслям или действиям, с субъективным переживанием отдаленности от самого себя, которое испытывает невротик, с ненавистью к самому себе или «безличным» отношением к себе, с утратой личного смысла. «Отчуждение от реального Я» она объясняет утратой невротиком переживания себя как активной детерминирующей силы в собственной жизни, исчезновением связи с внутренним источником психической энергии, мотивации, активным уходом человека от осуществления заложенной в нем потенциальности.

Обобщая проделанный анализ, можно отметить, что об отчуждении сложно говорить как о едином понятии. Существует набор терминов, центрирующихся вокруг присущей всем европейским языкам семантической оппозиции «родной-чужой». Эти термины употребляются разными авторами по-разному, однако в своем употреблении они объединены общей проблемой, которая может быть обозначена как проблема сущности человека, нереализованных возможностей его развития (бытия). Причиной отчуждения практически во всех случаях выступает подчинение жизни человека власти внешних сил, чуждых его природе, что приводит к разрыву между сущностью и существованием, переживанию неудовлетворенности, несоответствия сущего должному. Человек утрачивает связь со своей внутренней основой, или природой, со своими действиями, со своим достоинством, с миром, с другими людьми, а также с основами, которые делают возможным существование человека как такового.

Подобная утрата связи может быть как вынужденной, сложившейся под влиянием внешних условий, в которых протекает жизнь человека, так и выбранной им, связанной с появлением рефлексии, которая, словами С.Л. Рубинштейна, «как бы приостанавливает, прерывает непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент... Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению... или другой путь — к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе» [15,

с. 366]. Это различие позволяет понять на первый взгляд парадоксальный вывод, к которому приходит К. Уилсон [42]: рефлексивное, выбранное отчуждение Аутсайдера («архетипического» персонажа художественной литературы первой половины XX в.) становится не конечным этапом, а исходной точкой на пути к преодолению тех порождающих отчуждение условий жизни, в которых находится современный человек. Это преодоление оказывается возможным путем построения новой системы взаимоотношений с миром, «точкой отсчета» в которой становится не абстрактный внешний идеал, а сам человек, выступающий субъектом его присвоения и осуществления.

Отчуждение и смысл

Несколько психологических подходов в большей или меньшей степени эксплицировали связь между отчуждением и утратой смысла. Наиболее разработаны представления об этой связи в экзистенциальной психологии С. Мадди.

В своих ранних работах, опираясь на взгляды Э. Фромма и Ж.-П. Сартра, Мадди вводит понятие «экзистенциального невроза» как хронического состояния, характеризующегося рядом симптомов [33]. К когнитивным симптомам относятся утрата смысла, неспособность человека поверить в истину, важность, пользу или обрести интерес к любой деятельности, которой он занимается или которую может себе представить. С аффективной стороны экзистенциальный невроз характеризуется вялостью и скукой, а также эпизодами депрессии, частота которых с течением времени снижается. С точки зрения поведения, находясь в этом состоянии, человек может поддерживать низкий или средний уровень активности, содержание которой, однако, он не выбирает или же выбирает по принципу минимизации усилий.

По мнению С. Мадди, человек, страдающий экзистенциальным неврозом, отчужден от себя и от общества, однако такие традиционные признаки отчуждения от общества, как острое недовольство личными социальными условиями, бунтарство и гражданское неповиновение, не являются симптомами экзистенциального невроза; напротив, по мнению С. Мадди, человека, который пытается изменить общество, уже нельзя назвать отчужденным. В качестве примера экзистенциального невротика С. Мадди приводит Мерсо — персонажа известного романа «Посторонний» А. Камю, который ведет «вегетативное существование, сравнимое с психологической смертью» [33, с. 314].

С. Мадди выделяет также черты «преморбидной личности», предрасположенной к экзистенциальному неврозу. По его мнению, это человек, не обладающий индивидуализированной идентичностью: его идентичность чрезмерно конкретна и фрагментарна, сводится к набору социальных ролей и биологических потребностей; с когнитивной точки зрения такой человек характеризуется прагматической и материалистической (потребительской) установками; в аффективном плане он чаще всего испытывает тревогу и страх; а стремление к поверхностным межличностным отношениям

контрактного типа приводит его в конечном итоге к одиночеству и разочарованию. Преморбидный тип личности, согласно Мадди, широко распространен. Хотя такие люди не являются нездоровыми, они предрасположены к экзистенциальному недугу, который может возникнуть у них под действием таких стрессоров, как угроза близкой смерти, изменение общественного строя или конфронтация с другими людьми [33].

Впоследствии С. Мадди [34] отказывается от понятия преморбидной личности и связывает отчуждение непосредственно с экзистенциальным недугом. Он выделяет четыре формы, в которых проявляется отчуждение.

1. *Вегетативность* — неспособность поверить в истину, важность или ценность любой реально осуществляемой или воображаемой деятельности. Вегетативность, по мнению С. Мадди, является наиболее тяжелой формой экзистенциального недуга.

2. *Бессилие* — утрата человеком веры в свою способность влиять на жизненные ситуации, однако при сохранении ощущения их важности, что позволяет считать бессилие менее серьезной формой экзистенциального недуга, нежели вегетативность.

3. *Нигилизм* — убеждение в отсутствии смысла и активности, направленная на его утверждение путем занятия деструктивной позиции. Эта форма экзистенциального недуга включает в себя переживание некоторого смысла — пусть это и парадоксальный антисмысл — и связана с активностью по его реализации, что позволяет считать нигилизм менее серьезной формой экзистенциального недуга, чем вегетативность и бессилие.

4. *Авантюризм* (С. Мадди также употребляет термин «крусадерство») — компульсивный поиск жизненности, вовлеченности в опасных, экстремальных видах деятельности, в силу переживания бессмысленности повседневной жизни. Эта форма экзистенциального недуга является наименее серьезной, поскольку связана с активностью, поиском новых ощущений.

При анализе четырех форм отчуждения, выделенных С. Мадди, обращает на себя внимание сходство описанной им симптоматики вегетативности с симптомами экзистенциального вакуума, описанными В. Франклом. В обоих случаях речь идет об апатии и скуке, которые являются следствиями утраты переживания осмысленности. Авантюризм представляет собой вариант, при котором смысл обнаруживается и осуществляется человеком за пределами ситуаций, составляющих его повседневную жизнь; таким образом, его жизнь в целом в значительной части остается бессмысленной. «Позитивным» понятием, соответствующим авантюризму, является поиск новых впечатлений (sensation-seeking [43]): грань между этими понятиями нечеткая, однако авантюризм подчеркивает элемент эскапизма, ухода от бессмысленной жизни в бессодержательный риск, тогда как поиск новых впечатлений связан скорее с поиском и обнаружением бытийных ценностей в новых видах деятельности [32].

Концепция С. Мадди оказывается несколько более широкой и развернутой, чем представления В. Франкла,

поскольку включает в себя бессилие и нигилизм как особые формы экзистенциального недуга. В терминах В. Франкла, бессилие отражает вариант неготовности к осуществлению смысла, без чего, несмотря на готовность и способность обнаружить смысл, человек будет испытывать состояние смыслоутраты. По этой причине шкалы, отражающие готовность к субъективному контролю над собственной жизнью и уверенность в возможности такого контроля, входят в тест смысложизненных ориентаций, операционализирующий концепцию экзистенциального вакуума и показывающий высокую внутреннюю согласованность (см.: [5]). Нигилизм представляет собой обратный вариант, при котором в ситуации неготовности к обнаружению собственного смысла человеком осуществляется негативный смысл. Нигилизм, бессилие и вегетативность (ангедония) входят и в список метапатологий, предложенный А. Маслоу [11]. С. Мадди не дает подробного обоснования общности выделенных им четырех форм отчуждения, однако опирается на работы Э. Фромма, в которых раскрыта сущностная взаимосвязь различных проявлений отчуждения, описанных С. Мадди.

Другой вариант соотношения смысла и отчуждения предложен в русле теории потока М. Чиксентмихайи. В классической работе «Поток» М. Чиксентмихайи использует понятие отчуждения для обозначения социальных феноменов, препятствующих возникновению состояний потока. К таким феноменам автор относит аномию, понимаемую вслед за Э. Дюркгеймом как утрата норм и ценностей, а также собственно отчуждение, которое он считает особенностью социальных условий, при которых деятельность людей обретает внешне мотивированный характер [29]*. Однако отчуждение используется в этих ранних работах как чисто социологический термин, вне связи с понятием смысла (см. также: [35]).

В более поздних работах М. Чиксентмихайи и его ученицы Дж. Накамура, показывающих взаимосвязь потока и переживания осмысленности через категорию «жизненной ангажированности» [30], отчуждение рассматривается более содержательно. По мнению Дж. Накамура, «определяющей характеристикой жизненной ангажированности является интеграция активных и рецептивных способов взаимодействия со средой. По этому параметру ангажированность отличается от трех других, менее позитивных способов взаимодействия с миром. Отчуждение или невключенность, связанная с безразличием и уходом, является полярной противоположностью ангажированности с точки зрения отношений и предполагает активное отстранение или разобщенность между субъектом и объектом. В двух других способах взаимоотношений субъект и объект взаимодействуют, но не являются взаимосвязанными: действие и ответ на него не соответствуют друг другу. В рамках одного способа действие субъекта на объект перекрывает его способность к восприятию последнего. В рамках другого способа подчинение объекту перекрывает способность субъекта воздействовать на

* Для обозначения соответствующего отчуждению субъективного опыта скуки и фрустрации и деятельности, в которой этот опыт возникает, Эллисон и Данкан предлагают термин «антипоток» и обнаруживают, что это состояние возникает в случаях отсутствия интересных задач или в ситуациях, связанных с утратой ощущения контроля над происходящим [28].

него» [36, с. 22–23]*. Поскольку в логике М. Чиксентмихайи и Дж. Накамура ангажированность является условием возникновения переживаний потока, из которых вытекает чувство осмысленности, отчуждение влечет за собой «антипотоковые» переживания и отсутствие осмысленности.

А.Н. Леонтьев использует понятие отчуждения в контексте обоснования различия значения и личностного смысла. Источником отчуждения является общественное разделение труда, которое приводит к несовпадению создаваемого объективного значения и личностного смысла (значения этого значения для субъекта). По мнению А.Н. Леонтьева, «несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер настоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности» [4, с. 116]. Деятельность является отчужденной, если она не мотивирована смыслообразующим мотивом. Это возможно как на уровне конкретной деятельности (работа, учеба, отдых, общение, самопознание), так и на уровне жизни в целом: жизнь утрачивает смысл, сводится к удовлетворению биологических потребностей, постоянному воспроизводству одних и тех же отчужденных видов деятельности. Из этого выводится положение о том, что «мотивы-стимулы», связанные с неспецифическими потребностями, придают деятельности отчужденный смысл, обусловленный не естественной связью между выполняемой деятельностью и удовлетворением потребностей, а искусственной связью, заданной значимыми людьми или социальной системой [6, с. 199–201]. Таким образом, деятельностный подход А.Н. Леонтьева дает убедительные основания для разработки понятия отчуждения как утраты деятельностью смысла, вызванной отсутствием у этой деятельности актуальных смыслообразующих мотивов.

В западной традиции аналогичное различие описывается в терминах противопоставления внутренней и внешней мотивации [37], а отчуждение связывается прежде всего с поведением, выполняемым под давлением и внешним контролем [31, с. 7].

Таким образом, в трех рассмотренных подходах была раскрыта связь отчуждения с нарушением включенности в те значимые жизненные отношения, реализация которых несет человеку ощущение смысла собственной жизни, и заменой их отношениями, в которых отсутствует жизненная включенность субъекта. В следующем разделе мы вернемся к онтологии смысловой реальности, чтобы окончательно структурировать и оформить предлагаемую нами модель соотношения смыслоутраты и отчуждения.

Смысловое отчуждение как разрыв жизненных связей

В силу природы смысловой реальности полноценный анализ феноменов осмысленности жизни и смыслоутраты невозможен без учета контекста тех взаимоотношений с миром, в которых человек находится, которые

устанавливает и преобразует личность и которые, в свою очередь, оказывают на нее влияние. Смысловая реальность — это прежде всего реальность тех связей, которые связывают индивида с различными аспектами его жизненного мира. Благодаря этим связям возникает ощущение наполненности жизни смыслом — ощущение включенности ее в более широкий контекст и ее интенциональной направленности на мир. Осмысленность жизни соотносится с богатством связей с миром, прежде всего с их многообразием и структурированностью, связанностью и возникающей в результате связностью жизни как целого. Смысловая регуляция — это система критериев и механизмов самонастройки жизнедеятельности, направленных на обеспечение ее соответствия этим связям.

Нарушение связанности и связности проявляется в феномене отчуждения. Мы встречаемся с отчуждением тогда, когда связи с миром лишены для индивида позитивного смысла и неспособны выступить энергетическим и смысловым основанием для полноценного действия в мире. Это может иметь место в двух основных случаях: принудительности и пустоты. В первом случае, хорошо иллюстрируемом Марксовым отчужденным трудом, отношения, содержательно структурирующие жизнь индивида, являются ему принудительно навязанными, а не выбранными им. В действиях, совершаемых по внешней необходимости, не происходит реализации родовой сущности человека, и он оказывается отчужденным от собственной деятельности. Во втором случае, больше соответствующем типологии форм отчуждения С. Мадди и другим экзистенциалистским взглядам, индивиду не удается встретить в мире то, в чем он мог бы обнаружить для себя смысл. Итогом невозможности построить свою жизнедеятельность на смысловых основаниях становится построение ее на иных, более примитивных основаниях, которые С. Мадди характеризует как конформистский путь развития личности. В этом случае система взаимоотношений человека с миром регулируется его биологическими потребностями и социальными нормами. Включенность человека во взаимодействие с миром (с миром природы, миром других людей, миром культуры и с собственным внутренним миром) оказывается ограниченной как количественно, так и качественно.

Таким образом, понятие отчуждения характеризует эту ситуацию в ее онтологическом аспекте — как распад внешних и внутренних связей в структуре жизненного мира личности, соединяющих жизнь индивида с более широкими контекстами мира, общества, других людей и сферы трансцендентного, а также скрепляющих ее в единое целое, т. е. распад ее связанности и связности. Целесообразно говорить здесь о смысловом отчуждении, чтобы более отчетливо обозначить нетрадиционный контекст употребления этого понятия, хотя логически это избыточно, ибо любое отчуждение представляет собой распад смысловых, точнее, смыслопорождающих связей. Помимо общего смыслового отчуждения, касающегося жизнедеятельности в целом, можно говорить о смысловом отчуждении, проявляющемся в отдельных сферах жизни или отдельных видах дея-

* Между двумя из форм отчуждения, выделенными Дж. Накамура, и формами отчуждения по С. Мадди можно провести содержательную аналогию: ситуация разобщенности соответствует описанной С. Мадди вегетативности, а ситуация одностороннего подчинения субъекта объекту — бессилию.

тельности, таких, как трудовая или учебная деятельность, общение, самопознание и др.

В феноменологическом аспекте эта ситуация проявляется в виде переживания смыслоутраты, экзистенциального вакуума или экзистенциальной фрустрации, отсутствия в жизни смыслового содержания. Проявления смыслоутраты выступают формой, в которой неполнота и ограниченность взаимоотношений с миром переживаются индивидом. Наконец, в деятельностином аспекте проявлением ситуации распада смысловых связей становится конформистская, по С. Мадди, ориентация, сводящая мотивационные основы жизнедеятельности к удовлетворению биологических нужд и выполнению социальных ролей.

Подведем итоги. Теоретическая значимость предложенного анализа видится в обосновании взаимосвязи между философской категорией отчуждения и психо-

логическим понятием смыслоутраты, что обеспечивает единую теоретическую основу, объединяющую разрозненные эмпирические конструкты, фиксирующие отдельные стороны отчуждения. Смыслоутрата ранее изучалась преимущественно как изолированный субъективный феномен; полученная взаимосвязь дает теоретические основания для исследования коррелятов и предпосылок смыслоутраты, имеющих деятельностную природу. Рассмотрение смыслоутраты как формы субъективного переживания отчуждения позволяет более дифференцированно подходить к диагностике смыслоутраты на уровне отдельных сфер жизни. Изложенные соображения подтверждаются и эмпирическими данными, полученными авторами с помощью модификации методики С. Мадди для диагностики различных аспектов отчуждения; анализ этих данных, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
3. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М., 1994.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.
5. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 1992.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
7. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005.
8. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6.
9. Маркович М. Маркс об отчуждении // Вопросы философии. 1989. № 9.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
11. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
12. Мэй Р. Любовь и воля. М., 1997.
13. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.
14. Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3.
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
16. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
17. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
18. Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997.
19. Франкл В. Социальные кризисы и воспитание ответственности // Здравый смысл. 1999. № 11.
20. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.
21. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
22. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Душа человека. М., 1998.
23. Фромм Э. Психоанализ и религия // Иметь или быть. К., 1998.
24. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2005.
25. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М., 1993.
26. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.
27. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 2000.
28. Allison M.T., Duncan M.C. Women, work and flow // M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi (eds). Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge, 1988.
29. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. N.Y., 1990.
30. Csikszentmihalyi M., Nakamura J. The Construction of Meaning Through Vital Engagement // Flourishing positive psychology and the life well-lived / Ed. by C.L.M. Keyes, J. Haidt. Washington DC, 2003.
31. Deci E., & Flaste R. Why we do what we do. N.Y., 1995.
32. Macbeth J. Ocean cruising // M. Csikszentmihalyi, I.S. Csikszentmihalyi (eds). Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge, 1988.
33. Maddi S.R. The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology. 1967. Vol. 72. No. 4.
34. Maddi S.R. Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / Ed. by P. T. P. Wong, P. S. Fry. Mahwah, 1998.
35. Mitchell R.G. Jr. Sociological implications of the flow experience // M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi (eds). Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge, 1988.
36. Nakamura J. Sustaining engagement: continuity and change into later life. Unpublished Ph.D. Thesis. Chicago, IL, 2002.
37. Ryan R.M., Deci E.L. An Overview of Self-Determination Theory: An Organismic-Dialectical Perspective // E.L. Deci, R.M. Ryan (eds). Handbook of Self-Determination Research. New Haven, 2002.
38. Schacht R. Alienation. N.Y., 1971.
39. Schacht R. The Future of Alienation. Chicago, IL, 1994.
40. Schmitt R. Alienation and Freedom. Boulder, CO., 2003.
41. Tuveson E. Alienation in Christian Theology // P.P. Weiner (ed). Dictionary of The History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas. 5 vols. N.Y., 1974. Vol. 1.
42. Wilson C. The Outsider. Boston, 1956.
43. Zuckerman M. Sensation seeking: Beyond the optimal level of arousal. Hillsdale, NJ, 1979.

Estrangement and Loss of Meaning

Ye.N. Osin

lecturer at the State University Higher School of Economics

D.A. Leontiev

Ph.D. in Psychology, professor at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The article discusses the correlation between the concepts of 'loss of meaning' (V. Frankl) and of 'estrangement' that describe similar phenomenology and reviews the theory of estrangement as of 'existential neurosis' (S. Maddi). The multidimensional concept of 'meaning reality' ontology makes it possible to regard meaningfulness of life and loss of meaning as phenomena of one's relationship with the world (A.N. Leontiev, S. Maddi, J. Nakamura and M. Csikszentmihalyi), whereas estrangement can be regarded as a category describing ontological foundations of subjective phenomenon of loss of meaning.

Key words: meaning, life meaningfulness, loss of meaning, estrangement

References

- 1 Bratus' B.S. Anomalii lichnosti. M., 1988
- 2 Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki. M., 1972
- 3 Leont'ev A.N. Filosofiya psikhologii iz nauchnogo naslediya / Pod red. A.A. Leont'eva, D.A. Leont'eva. M., 1994
- 4 Leont'ev A.N. Deyatel'nost' Soznanie Lichnost' M., 2004
- 5 Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO). M., 1992
- 6 Leont'ev D.A. Psihologiya smysla. M., 1999
- 7 Leont'ev D.A. Novye gorizonty problemy smysla v psikhologii // Problema smysla v naukah o cheloveke (k 100 letiyu Viktora Frankla). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Moskva, 19–21 maya 2005 g.). M., 2005
- 8 Maddi S. Smysloobrazovanie v processakh priinyatiya resheniya // Psihologicheskii zhurnal. 2005. T. 26. № 6
- 9 Markovich M. Marks ob otchuzhdenii // Voprosy filosofii. 1989. № 9
- 10 Marks K. Ekonomicheskoe filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., Engels F. Iz rannih proizvedenii. M., 1956
- 11 Maslow A. Novye rubezhi chelovecheskoi prirody. M., 1999
- 12 Mei R. Lyubov' i volya. M., 1997
- 13 Nyutten Zh. Motivatsiya, deistvie i perspektiva budushogo. M., 2004
- 14 Osin E.N. Chuvstvo svyaznosti kak pokazatel' psikhologicheskogo zdorov'ya i ego diagnostika // Psihologicheskaya diagnostika. 2007. № 3
- 15 Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie Cheloveka i mi. SPb., 2003
- 16 Sartr Zh. P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii. M., 2000
- 17 Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. M., 1990
- 18 Frankl V. Doktor i dusha. SPb., 1997
- 19 Frankl V. Socialnye kizisy i vospitanie otvetstvennosti // Zdravyy smysl. 1999. № 11
- 20 Freud Z. Budushee odnoi illyuzii // Sumerki bogov. M., 1989
- 21 Freud Z. Totem i tabu // Freud Z. «Ya» i «Ono». Triudy raznykh let. Kn. 1. Tbilisi, 1991
- 22 Fromm E. Konceptiya cheloveka u K. Marksa // Dusha cheloveka. M., 1998
- 23 Fromm E. Psihoanaliz i religiya // Imet' ili byt. K., 1998
- 24 Fromm E. Zdorovoe obshestvo. M., 2005
- 25 Haidegger M. Pis'mo o gumanizme // Haidegger M. Viemya i bytie. Stat'i i vystupleniya. Per. s nem. M., 1993
- 26 Haidegger M. Bytie i viemya. SPb., 2002
- 27 Yalom I. Ekzistencial'naya psihoterapiya. M., 2000
- 28 Allison M.T., Duncan M.C. Women, work and flow // M. Csikszentmihalyi, I.S. Csikszentmihalyi (eds). Optimal experience. Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge, 1988
- 29 Csikszentmihalyi M. Flow. The Psychology of Optimal Experience. N.Y., 1990
- 30 Csikszentmihalyi M., Nakamura J. The Construction of Meaning Through Vital Engagement // Flourishing positive psychology and the life well-lived / Ed. by C.L.M. Keyes, J. Haidt. Washington DC, 2003
- 31 Deci E., & Flaste R. Why we do what we do. N.Y., 1995
- 32 Macbeth J. Ocean cruising // M. Csikszentmihalyi, I.S. Csikszentmihalyi (eds). Optimal experience. Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge, 1988
- 33 Maddi S.R. The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology, 1967. Vol. 72. No. 4
- 34 Maddi S.R. Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / Ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fiy Mahwah, 1998
- 35 Mitchell R.G. Jr. Sociological implications of the flow experience // M. Csikszentmihalyi, I.S. Csikszentmihalyi (eds). Optimal experience. Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge, 1988
- 36 Nakamura J. Sustaining engagement continuity and change into later life. Unpublished Ph.D. Thesis. Chicago, IL, 2002
- 37 Ryan R.M., Deci E.L. An Overview of Self-Determination Theory: An Organismic-Dialectical Perspective // E.L. Deci, R.M. Ryan (eds). Handbook of Self-Determination Research. New Haven, 2002
- 38 Schacht R. Alienation. N.Y., 1971
- 39 Schacht R. The Future of Alienation. Chicago, IL, 1994
- 40 Schmitt R. Alienation and Freedom. Boulder, CO, 2003
- 41 Tuveson E. Alienation in Christian Theology // P.P. Wiener (ed). Dictionary of The History of Ideas. Studies of Selected Pivotal Ideas. 5 vols. N.Y., 1974. Vol. 1
- 42 Wilson C. The Outsider. Boston, 1956
- 43 Zuckerman M. Sensation seeking. Beyond the optimal level of arousal. Hillsdale, NJ, 1979

культурно - историческая ПСИХОЛОГИЯ

международный научный журнал

№ 4 / 2007

Международный научный журнал
«Культурно-историческая психология»

Главный редактор
Владимир Зинченко

Заместитель главного редактора
Борис Мещеряков

Ответственный секретарь
Анна Шведовская

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Л. Венгер, В.А. Гуржупов, Д.А. Леонтьев, А.А. Марголис,
Т.Д. Марцинковская, В.М. Мунипов, Л.Ф. Обухова, Н.Г.
Салмина, Е.Е. Сапогова
Цукерман Г.А. (Россия), Вереникина И. (Австралия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Виталий Рубцов

Заместитель председателя
Аркадий Марголис

Члены редакционного совета

Т.В. Ахутина, Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, Е.Е. Кравцова,
О.Л. Кузнецов, В.А. Лекторский, В.И. Лубовский,
Н.Л. Мухелишвили, Б.Д. Эльконин (Россия)
Г. Ариас (Куба), А.А. Брудный (Кыргызстан)
Я. Вальсинер (США), С. Веджетти (Италия),
Н.Н. Вересов (Финляндия), Дж. Верч (США),
М. Гриффин (США), Г. Дениелс (Великобритания),
Е.Ф. Иванова (Украина), А. Козулин (Израиль),
М. Коул (США), А.-Н. Перре-Клермон (Швейцария),
Г. Прайс (США), Д. Робинс (США),
П. Хаккарайнен (Финляндия), С. Чаклин (Дания),
Асмолов А.Г. (Россия)

Директор по развитию
Аркадий Марголис

Редактор интернет-версии журнала
Инна Корепанова

Секретарь
Мария Сафронова

Реклама и маркетинг в России
тел. +7 (495) 632-99-59 (доб. 1037),
факс +7 (495) 632-92-52

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский городской
психолого-педагогический университет

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 215
Тел. +7 (495) 632-99-59 (доб. 1037),
факс +7 (495) 632-92-52
e-mail: kip_journal@mail.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
ПИ №ФС77-21626 от 29 июля 2005 г.

Все права защищены. Название журнала
и его рубрики, логотип, все тексты и иллюстрации
являются собственностью МГППУ и защищены
авторским правом. Перепечатка материалов журнала
и использование иллюстраций возможны
только с письменного разрешения редакции.

Журнал является аффилированным журналом
Международного общества культурно-деятельностных
исследований (ISCAR).

© Идея создания журнала: В.П. Зинченко, В.В. Рубцов,
А.А. Марголис, Б.Г. Мещеряков, В.М. Мунипов
© МГППУ 2007